

Рецензии. Философия

УДК 1(44)(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-134-141

Дерридаграфия: письмо о пишущем.
Рецензия на книгу Бенуа Петерса «Деррида»
(Петерс Б. Деррида / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.)

Александр П. Беляев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, apbelyaev@hse.ru*

Аннотация: В рецензии представлен обзор первой и на сегодняшний день единственной биографии Ж. Деррида авторства Бенуа Петерса (Петерс Б. Деррида / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.). Автор рецензии демонстрирует значимость этого издания, проливающего свет на доселе неизвестные страницы жизни и творчества известного французского философа, обращая внимание как на очевидные удаchi биографа, так и на «белые пятна», по-прежнему ускользающие от пытливого взгляда исследователя наследия и жизни Деррида.

В рецензии предпринята попытка осмысления самой возможности письма о пишущем, биографирования того, кто сам себя биографировал и архивировал, при этом трансформировав сам образ биографии, архива, письма, воспроизводства себя на письме. Нейтральный и ничем не выделяющийся стиль биографа Деррида представлен и как неизбежный ход, и как прием – попытка высветить «другого», биографируемого, и как очередной уход от вызова-призыва Деррида: деконструировать как самого автора деконструкции как термина, приема и неологизма, так и контексты, жанры, категории, в которые заведомо вписано восприятие философа, его жизни и «метода».

Ключевые слова: Деррида, Петерс, деконструкция, дружба, философия постмодерна, перевод, биография, поэтическое, письмо

Для цитирования: Беляев А.П. Дерридаграфия: письмо о пишущем. Рецензия на книгу Бенуа Петерса «Деррида» (Петерс Б. Деррида / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 134–141. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-134-141

Derridagraphy: writing about the writer.
 A review of Derrida's biography by Benoît Peeters
 (Peters B. Derrida. Krachekhin D., transl. from Fr. Moscow:
 Izdatelskiy dom "Delo" RANKHiGS Publ.; 2018. 640 p.)

Alexander P. Belyaev

*National Research University Higher School of Economics,
 Moscow, Russia, apbelyaev@hse.ru*

Abstract. The review presents the first and only (to the date) biography of Jacques Derrida: "Derrida" by Benoît Peeters (Peters B. Derrida. Krachekhin D., transl. from Fr. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo" RANKHiGS Publ.; 2018. 640 p.). The importance of this publication, which highlights not so well known pages of Derrida's life and writings is shown here. Attention is paid not only for the obvious achievements of the biographer, but for the blank spots still escaping the inquisitive eye of the researcher of the heritage and life of Derrida as well.

The review is an attempt to consider the possibility of writing about the writer, biographing of self-biographer and self-archivist, thereat having transformed images of the biography, archive, letter, self-reproducing with the help of writing.

The neutral and unremarkable style of Derrida the biographer is presented both as an inevitable move and as a technique – an attempt to highlight the "other" who is being biographed, and as another escaping the challenge of Derrida to deconstruct not only the author of the deconstruction (as a specific term, neologism), but all the contexts, genres, categories, where the perception of philosopher's life and "method" are written in, as well.

Keywords: Derrida, Peeters, deconstruction, friendship, postmodern philosophy, translation, bio-graphy, poetic, writing

For citation: Belyaev AP. Derridagraphy: writing about the writer. A review of Derrida's biography by Benoît Peeters (Peters B. Derrida. Krachekhin D., transl. from Fr. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo" RANKHiGS Publ.; 2018. 640 p.). *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;4(14):134-41. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-134-141

Биография того, кто сам предложил пример деконструирования биографий, должна быть, по идее, делом особого рода, иного воплощения, какой-то исключительной реализации. (Био-)графией био, (био-)графией графии, прослеживанием всевозможных следов, занятием того, кто всю жизнь занимался собой, своим делом, воспроизводством себя посредством письма и, что называется, с одной стороны, «закрыв тему», застолбил за собой свой способ, положил на это всю жизнь, но с другой – с неизбежностью (био-)логического закона – воспроизвел себя в своих последователях и учениках, прижизненно, то есть, синхронно собственному биографическому, породил и воспитал свою *дерридармию* по всей ойкумене, разделив

ее на два условных лагеря: «за» и «против»; заразил представителей первого лагеря своими играми в слова и в письмо, постулировал из себя через других свою *дерридакратию*, *дерридактику*, дал волю и основание благодатной возможности того, что ряды диссеминаций можно множить и множить. Что, в свою очередь, с той же биологической неизбежностью, в силу действия закона биоразнообразия (био-дифферанса), привело к искажениям, неверным трактовкам, комичным псевдорецепциям и прочим странным приложениям. Америка способствовала взлету Деррида своей скучноватой и занудноватой табулорасностью (имеется в виду несколько наивный интерес к фигуре Деррида со стороны американских журналистов, а также определенная специфика интеллектуальной среды американских университетов, о которой пишет Петерс [1 с. 525–537]). Япония, падкая на модные веяния и продукты интеллектуальной деятельности Запада, нашла в деконструкции параллели с буддизмом и дзэном (см. об этом: [2]), постсоветские люди предложили считать деконструкцией в действии недавнюю «перестройку»¹ и так далее (тут надо заметить, что о последних двух обстоятельствах рецепции – японском и российском – у Петерса, к сожалению, нет ни слова).

Все это имеет отношение и не имеет отношения. К чему, к кому. Удивительный парадокс: автор, столь уместно и точно приспособленный к славе и публичности, столь жадно, страстно, гостеприимно дарящий себя, свое время, свои тексты другим, столь явно и декларативно ценящий дружбу, Другого, то есть свои собственные включения посредством этого Другого во всевозможные письменные транзакции, сам при этом всю жизнь старался придерживаться охранительной позиции, норовил сохранять особость, не-стайность, не-стадность своего положения и своего дела. Что касается дружбы и переписки (с философами, коллегами, друзьями, оппонентами и т. д.) – то это важная черта как «Деррида-философа», так и «Деррида-человека», если подобное разграничение вообще правомочно и имеет смысл. Реакция на письма и предложения – форма ответа и ответственности, невозможность «не ответить на вызов» хотелось бы назвать ключевым движущим принципом действия и мышления Деррида. Сфера и горизонт этих ответов-ответственностей растет и ширится по мере роста популярности философа и широты охвата его вещания. «Гостеприимство», «признательность», «прощение» и прочие «общие», «моральные», «политические» темы у Деррида как таковые появляются в явно сформулированном виде в поздний период (конец 90-х – начало 2000-х). Но иногда подобное обращение к «глобальному» (например, проблема иммигрантов и связанная с этим

¹ Этот комичный эпизод, имевший место в ИФ РАН в 1990 году, описывается в [3 с. 51–53].

установка на «тотальное гостеприимство») воспринимается в штыки на «локальном» уровне – частными людьми из близкого круга прошлых лет. В этом смысле показательна реакция на «тотальное гостеприимство» со стороны Сильвиан Агасински, бывшей возлюбленной Деррида, от которого у нее сын Даниэль. Деррида отказывается поддержать мужа Сильвиан, который выставил свою кандидатуру на президентских выборах. Причина – «плохое настроение, вызванное всеми кандидатами» [1 с. 598]. Сильвиан пишет в ответ: «Философия, впрочем, также может испортить настроение: например, понятие “безусловного гостеприимства”, придуманное Деррида. Оно не только абсурдно (что все же нужно сказать), оно провокативно. И хотя похвально защищать нелегалов, это, конечно, нельзя делать во имя *безусловного* гостеприимства, поскольку ничто не является более *условным*, чем гостеприимство. Безусловное в целом отвечает вкусу прекрасных душ к чистоте и абсолюту. Оно вдохновляется Кантом, то есть жертвует пониманием эмпирической реальности ради чистоты понятия. Но оно отказывается мыслить действительную реальность» [1 с. 599]. В этой «действительной реальности» Деррида предстает (по аналогии с супергероями из комиксов – кстати, Б. Петерс известен как автор изданий в этом жанре) как «Человек-Все-Сразу»: философ, писатель, поэт (в юности), пристальный читатель, переводчик, мыслитель, звезда, светило, поп-фигура и при этом интеллектual для интеллектualов. Философ *par excellence* или шарлатан, в зависимости от взгляда и отношения того или иного другого Другого. Фигура, так или иначе оставившая следы разной глубины в театре, архитектуре, кино, музыке. Номинант на Нобелевскую премию в конце жизни (и сам же с тоской и досадой отмечающий эту биографическую – болезнь, старость – обусловленность возможного выбора нобелевского комитета [1 с. 627]). Путешественник, любитель и любимец женщин и при этом же – домосед, зритель телевизора. Центробежность, центростремительность, децентрация. Все это явлено нам со страниц «Деррида» в виде книги-биографии на 640 страниц, увесистый том, герой-персонаж-протагонист которого поразился бы объему написанного о себе. При этом невозможно отделаться от совершенно явного ощущения, что можно еще написать несколько раз по столько же, освятив/осветив неизбежно невошедшее. Любая биография по определению неполна, а Дерридаграфия в особенности. Тот, кто был столь страстно привержен письму, любого пишущего о нем повергает наповал, обрекает на провал. Поэтому Бенуа Петерс поступает *обычным образом*: он просто пишет сухую, подробную, максимально исчерпывающую, связную книгу о философе. Перед нами вовсе не интеллектуальная/критическая биография, не генеалогия его интеллектуального наследия, но классическое, хрестоматийное, подробное описание жизни знаменито-

сти, по которому Голливуд просто обязан снять байопик. Отметим, что в той же издательской серии уже выходили биографии философов Людвиг Витгенштейна и Вальтера Беньямина, и у читателя уже начало было складываться ощущение, что серия, оформленная в едином стиле, будет посвящена жизнеописаниям исключительно тех авторов, писателей, интеллектуалов, кого числят «философами», однако недавний выход биографии Гёте свидетельствует о более широком взгляде на феномен философа, интеллектуала, писателя и пр. Но вернемся к обсуждаемой книге. С точки зрения письма, манеры, стиля эту биографию можно назвать произвольной, «любой», чьей угодно (кроме фактографической, никакая другая сторона книги не может быть маркирована как «специфически дерридеанская»): нормальное, несколько беллетризованное жизнеописание, что, опять же, неизбежный закон жанра. Анализ практически исключен, степень письма – нулевая, что-то между научно-популярным, журналистским, разговорно-живым, совсем редко – академичным стилем. Что называется, для широкого круга читателей. Автор как будто бы специально постарался максимально стереть себя, дабы пропорционально максимально высветить Другого – биографируемого. Поэтому чаще всего материал говорит сам за себя. Цитаты, выдержки, письма – этот обычный, банальный элемент любого текста жанра ЖЗЛ – здесь имеют особый статус. Письмо как корреспонденция, эпистола, письмо как дело философии и литературы, немая работа мысли посредством знаков языка, письмо как след по себе и наоборот – все о себе как письмо, предмет для письма. Почтовая карточка от Собрата до Бреда (аллюзия на «любовно-эпистолярный» романический опыт Деррида [5]). Что при этом важно отметить: Петерс нигде не скатывается до археологизации грязного белья, проявляя удивительную тонкость касательно тех эпизодов, которые этой тонкости требуют и заслуживают. На практике отмечено (повторено-различено-продублировано собственной работой) существенное, структурообразующее: коллекционирование мелочей, сбор материала. Незначительного нет: такое ощущение, что для Деррида не существует мелочей, он, как и поэтическая речь, сохраняет все: любая мелочь важна и значима, любая частная деталь, как вещь, так и слово, может в любой момент стать – и становится – темой, предметом, стартовым пунктом для доклада, лекции, статьи, книги. «Человек-Архив», человек архива, сам себя (био-)графирующий и тем самым ставящий под вопрос работу любого последующего/наследующего биографа. Трепетный до трогательности, ревнивый до безобразия. Пижон, гоголь, фланер, модник, человек большого города и человек песчаного побережья. Человек удивительных сил и работоспособности, успевавший жить жизнь и жить текст. Старавшийся всегда выбирать сторону жизни. Удивительно, что при этом многим читателям и критикам Деррида пришлось в голову усмот-

реть в деконструкции хоть что-то разрушительное. Анамнез: иудео-христианство плюс «французскость», тщательно культивируемая. Комплекс провинциала, со временем перешедший в комплекс гипервостребованности. Успехи, неудачи, депрессии, сложности, все как у людей. Друзья, враги, мир поделен на два лагеря (стоит учесть условность демаркации, переход из категории в категорию – как в случае с Фуко, Делёзом и Бурдьё²). Все необходимое для того, чтобы о тебе сняли, опять же (квази-)биографический фильм, даже два³. Примечательно, что биография за авторством Петерса куда менее философична, нежели фильм, снятый американцами. В фильме о себе Деррида приводит образцовый пример биографии философа: родился, мыслил, умер. В том же фильме, ближе к финалу, Деррида, отвечая на провокационный вопрос журналистки – о чем бы вы хотели расспросить того или иного философа, – говорит: о том, о чем они не говорили/не писали. Я хотел бы увидеть порнофильм о Хайдеггере, довинчивает он свою мысль, явно иронизируя. Тем не менее в каждой шутке есть доля. Зададимся дерридактическим вопрошанием: чем могла бы быть в таком случае биография умолчаний самого Деррида? Этот приверженец тайны, кажется, успел высказаться по всей повестке дня. И все-таки: какое порно стоило бы снять на тему того, что осталось за кадром, не вошло в поля его философии? Подобная фантазмаграфия биографии Деррида могла бы стать необходимым отвлечением, то есть, очевидно, попаданием в цель, в которую целиться невозможно, а значит, можно попасть наверняка. Лишний раз отдавая должное заразительности манеры дискурса Деррида, остается только недоумевать по поводу того, что по-русски (по сравнению с остальным многоязычным гуманитарным миром) этот автор сенсационных бестселлеров, казалось бы, «модный философ» из тех, «от которых не отказываются», так толком и не случился: целиком не переведен, а там, где переведен, как следует не прочитан⁴. Более того,

² Траектория отношений с каждым из упомянутых «коллег по цеху» у Деррида была весьма извилистой. Укажем лишь некоторые страницы, на которых Петерс упоминает о схождениях-разрывах с ними. О Деррида и Фуко см. [1 с. 282–285]; о Деррида и Делёзе см. [1 с. 554–555]). О Деррида и Бурдьё см. [1 с. 449–453].

³ О Деррида снято два фильма: один снят его подругой, которая впоследствии, среди прочих, будет посменно дежурить у постели смертельно больного философа («Впрочем, Деррида» [1 с. 570] (другие варианты перевода названия, встречающиеся в русскоязычных СМИ и периодике: «Со стороны Деррида», «Другой Деррида») (1999), реж. Сафаа Фати. 68 мин.), другой документальный фильм условно можно назвать «американским» («Деррида» (2002), реж. Дик Кирби и Эми Циринг Кофман. 85 мин. [1 с. 11, 602]).

⁴ Счастливое исключение представляет монография Н.С. Автономовой [5].

Деррида чаще всего бытует на нашей зыбкой почве чуть ли не в качестве «мальчика для битья», став именем нарицательным, всего лишь изобретателем своей «фени» («ботать по дерриде» [6 с. 386]), кем-то, кого можно сравнить с Жириновским⁵. Вообще говоря, отдельным образом интересно, почему к Деррида у нас сложилось и до сих пор превалирует такое отношение (грубо говоря, все то же «не читал, но осуждаю»). Исключение составляют разве что некоторые отдельно взятые поэты, критики и теоретики условно новой (постсоветской) генерации читателей Деррида, в принципе интересующиеся «новыми типами и формами высказывания»⁶.

Рецензируемая биография – первая и пока что единственная биография Жака Деррида на сегодняшний день, поэтому излишне говорить, что эта книга – событие. Труд переводчика вызывает чувства уважения и благодарности, однако, согласно жанру рецензии, нельзя не отметить ряда досадных огрехов. Скрупулезную сопоставительную работу по уточнению соответствия перевода французскому оригиналу оставим знатокам французского, к коим не могу себя причислить, однако, если исходить только из текста перевода, отдельные решения на уровне фразы представляются слишком поспешными, принятыми наскоро, требующими лучшей вычитки. В переводе есть ошибки (небрежности, скажем так) при передаче японских имен. Например: «Руити» Сакамото [1 с. 602], тогда как имя известного японского композитора и автора саундтрека к фильму «Деррида» по-русски правильно было бы записать «Рюити», а имя и фамилию японского философа-поклонника Деррида следовало бы записать как Ясуо Кобаяси, а не «Кобаяши» [1 с. 374]. Здесь «дифферанс», к сожалению, играет на понижение.

Начало и конец биографии Деррида за авторством Петерса отмечены, как и положено, цитатами из Деррида. Мне же хочется закончить рецензию впечатлением одного из слушателей семинара Деррида, в какой-то степени дающим представление о том, что такое присутствие в данном случае:

Этот голос, мягко действуя на каждую страстную слушательницу и на каждого слушателя, неспособного оторваться, приводил в восторг, который для меня остается своего рода звуковой подписью этого шамана

⁵ Владимир Вениаминович Биbihин – Ольга Александровна Седакова. Переписка 1992–2004. Часть первая (1992–1995) // Михаил Гефтер. URL: <http://gefeter.ru/archive/13476> (дата обращения 29 нояб. 2018).

⁶ Примером интересной дискуссии между такими «благосклонными» читателями Деррида служит публикация круглого стола под названием «Наш Деррида?» // Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/d4.html?fbclid=IwAR0S6Ti6amyHICcRcwJ3SOpUDAc-S9DWBHtq1YdL8GgVBHUTHiEyK-6hEUw> (дата обращения 29 нояб. 2018).

мысли. Жак Деррида все эти два часа незабываемого сеанса не прекращал виться, вращаться вокруг своей мысли. Заставляя при этом виться ее маму. Американки и американцы, японки и японцы, немцы и немки, молодые люди со всего глобализованного мира – вот из кого состояла эта внушительная аудитория, кипящая от возбуждения... Я хотел бы обратить внимание на личную красоту, его великолепие, которое... гарантировало молниеносность этой речи, пронзавшей нас своей поэтической энергией... На этот способ собирать педагогическое пространство вокруг тела. Тело, настолько сильно вовлеченное в акт преподавания, что у студентов было физическое впечатление, будто они живут страстью этой речи [1 с. 517].

Литература

1. Петерс Б. Деррида / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.
2. Беляев А.П., Янпольская Я.Г. Японская наука, веселая и дикая // Троицкий вариант – Наука. 2018. № 19 (263). С. 6–7.
3. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. Пер. с фр. и англ. / предисл. М.К. Рыклина. М.: РИК «Культура», 1993. 208 с.
4. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда. Минск: Современный литератор, 1999. 832 с.
5. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с.
6. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2012. 388 с.

References

1. Peters B. Derrida. Kralechkin D., transl. from Fr. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo" RANKHIGS Publ.; 2018. 640 p. (In Russ.)
2. Belyaev AP., Yanpol'skaya YaG. Japanese science, gay and wild. *Troitskii variant – Nauka*. 2018;19:6-7. (In Russ.)
3. Jacques Derrida in Moscow. Deconstruction of the Journey. Transl. from Eng. and Fr. Ryklin M.K., pref. Moscow: RIK "Kul'tura" Publ.; 1993. 208 p. (In Russ.)
4. Derrida J. The post card. From Socrates to Freud and beyond. Minsk: Sovremennyi literator Publ.; 1999. 832 p. (In Russ.)
5. Avtonomova NS. Philosophical language of Jacques Derrida. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2011. 510 p. (In Russ.)
6. Gasparov ML. Notes and excerpts. Moscow: NLO Publ.; 2012. 388 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр П. Беляев, ст. преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная д. 21/4, стр. 3; apbelyaev@hse.ru

Information about the author

Alexander P. Belyaev, senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 21/4, ed. 3, Staraya Basman-naya str., Moscow, 105066, Russia; apbelyaev@hse.ru